

либерал ■ ru

Фонд
«Либеральная
МИССИЯ»

Е. Г. Ясин

Приживется ли демократия в России

Новое
Литературное
Обозрение

2012

УДК 321.7(470+571)
ББК 66.3(2Рос)1
Я81

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда Дмитрия Зимина «Династия»*

Ясин, Е. Г.

Я81 Приживется ли демократия в России. — 2-е изд., расшир. и доп. / Евгений Ясин. — М.: Фонд «Либеральная миссия»; Новое литературное обозрение, 2012. — 864 с.

ISBN 978-5-86793-937-3

Книга посвящена историческим предпосылкам и перспективам развития демократии в России. Рассматривая теорию и историю формирования демократии и других политических режимов в связи с изменениями в экономике, автор демонстрирует преимущества демократии как политической системы, ее необходимость для России, а также трудности становления. Во второе издание книги добавлены материалы, показывающие связь демократии с институтами и культурой, роль элиты в демократических преобразованиях. Убедительно опровергается тезис о несоответствии демократии особенностям и задачам современного российского общества. Рассмотрены основные сценарии модернизации России с учетом различных вариантов политических изменений.

УДК 321.7(470+571)
ББК 66.3(2Рос)1

© Ясин Е. Г., 2012
© Фонд «Либеральная миссия», 2012
© ООО «Новое литературное обозрение».
Оформление, 2012

**Трем моим музам –
Лидии, Ирине и Варе
посвящаю**

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В этой книге поначалу речь шла о событиях, произошедших до конца 2004 года. Жизнь продолжается, но надо где-то ставить точку, тем более что я писал не «хронограф». Первые десять дней нового 2005 года мы с женой болели и вынужденно были прикованы к телевизору. Десять дней одни эстрадные концерты с диким шумом, миганием и мерцанием, парад смехачей во главе с Е. Петросяном и фильмы, фильмы — старые, по пять раз виденные, сравнительно новые, но с теми же стрелялками, ментами и бандитами. На худой конец после полуночи сладкая эротика от «Эммануэль». По «Эхо Москвы» Матвей Ганапольский обсуждает с Михаилом Леонтьевым вопросы кулинарии, и слушатели благодарят их за то, что они наконец не говорят о политике, не портят людям нервы. Мне вдруг пришла в голову ужасная мысль: а если так будет весь год? А что, вполне может быть, к этому все и идет. Ужасная тоска! А потом что? Вообще одно «Лебединое озеро»? Поэтому, предвидя неизбежное, я сел за предлагаемую вниманию читателя книгу.

Она написана человеком, который тешит себя иллюзией своей принадлежности к ученому сословию. Но это не научный трактат, а что-то вроде публицистики. Это книга гражданина, который озабочен судьбами своей страны и тревожится за ее будущее. Я торопился, стараясь успеть. Не знаю, правда, к чему и почему. Кажется, что, если мои сограждане поскорей прочтут мою книгу, они станут хоть немного другими, поймут что-то

важное. Конечно, я знаю, что это не так. Но здесь дело не в разуме, а в эмоциях — ведь это они движут человеком в момент опасности, когда нужна мобилизация сил. Торопясь, я рассчитывал уложить задуманное в 50–80 страниц. Но не вышло. Над текстом работал вопреки научным нормам: я отказался от идеи давать обзор отечественной и иностранной литературы, посвященной разбираемым темам; вместо этого брал работы одного-двух уважаемых мною специалистов в каждой такой области, привлекал материалы текущей прессы — что попадалось под руку, только бы скорей. И все равно работа затянулась, а объем ее возрос многократно.

Я попытался сделать книгу максимально доступной, хоть фрагментарно, именно для этого я разбил текст на части, главы, параграфы и рубрики. Читать ее можно выборочно. В тексте много врезок с цитатами и примерами, они не всегда сделаны в традиционной манере. Хотелось дать иные мнения, интересные факты, подтолкнуть размышления читателя, при этом не вступая в дискуссии. Теперь, так и не чувствуя, что работа завершена, я отдаю свой труд на суд читателя.

В 2004 году мне исполнилось 70 лет. На юбилейном вечере Егор Гайдар в своем выступлении сказал: «Вы создали в России рыночную экономику (такое, знаете, юбилейное преувеличение... — Е. Я.). Теперь, я знаю, вы тревожитесь о российской демократии. Ну, надо же что-то оставить молодому поколению...»

Согласен и думаю, что все равно мало уже что успею. Мне, разумеется, знаком философский взгляд Егора Тимуровича на сегодняшнюю ситуацию (он детально изложен в его только что вышедшей фундаментальной книге «Долгое время»): такое время, неизбежная полоса неустойчивого развития, в которой власть оказывается в руках случайных сил, не понимающих или не вникающих в интересы страны, занятых ложными целями или собственным обогащением. Используя имеющиеся

возможности, необходимо делать то, что будет содействовать развитию страны завтра, а сегодня стараться минимизировать ущерб от демагогов и экстремистов.

Так случилось, что я имел отношение к тем переменам, которые произошли в нашей стране в последнее десятилетие XX века. Дело вовсе не в заслугах, которые я сам оцениваю более чем скромно. Когда судьба позвала меня во власть, я понимал: меня будет ждать не слава, а попреки. Но мне казалось, я обязан выполнить свой долг: да, на поприще реформ не сыщешь ни славы, ни благодарности, но страна сможет встать на ноги и двинуться по пути к процветанию. Так оно и вышло. Я радовался продвижению реформ, всем позитивным изменениям, которые эти реформы вызывали. Однако с середины 2003 года дела у нас стали поворачиваться таким образом, что экономические и политические преобразования в России, за которые я переживал, оказались под угрозой. Именно это заставило меня взяться за книгу не по моей специальности и именно эта проблема кажется мне сегодня самой важной для нашей страны.

Россияне не больно-то ценят демократию, как в силу отсутствия привычки и вкуса к ней, так и потому, что в недавнем прошлом она не оправдала, как многим кажется, их ожиданий. Другие считают, что демократия и вообще не подходит России, у которой свой, особый исторический путь. Но я убежден, что демократия жизненно необходима для нас. Именно сейчас пришло ее время. Но властям предрежающим, похоже, дело представляется иначе, и они пытаются нас убедить, что лучше знают, что нам нужно. В книге я пишу, почему это не так.

Сразу скажу: я не против Путина. В 2000 году, признаюсь, я голосовал за него в надежде на продолжение курса рыночных реформ и демократии. Второй раз я уже не мог отдать ему свой голос. Еще раз: я вообще не против кого-либо, я за — за демократию, за новую демократическую

Россию под российским триколором, под которым в августе 1991 года мои сограждане защищали Белый дом.

Я уже никогда не буду голосовать за Путина. Но я также не хочу, чтобы преемником Путина оказался еще один выходец из спецслужб, чтобы эти ребята создали из своей корпорации правящую династию. Не потому, что я против безопасности, а потому, что полагаю их власть опасной для страны. И еще больше я не хочу, чтобы при их попустительстве, пользуясь недовольством народа, к власти пришла оголтелая кучка националистов и популистов, уже сейчас разжигающая и эксплуатирующая народный гнев. Я хочу, чтобы все мы захотели и привыкли быть свободными людьми и свободно выбирали своих представителей для управления страной. Чтобы они служили нам и были бы ответственны перед нами. Я хочу, чтобы частная инициатива бурлила и поднимала экономику, делая нас богаче. Я хочу, чтобы всем было интересно смотреть телевизор — кому «Аншлаг», а кому Л. Парфенова и В. Шендеровича.

О том, можно ли это сделать и как, написана эта книга.

Огромная благодарность моим товарищам, которые способствовали ее написанию. Спасибо тем из них, кто согласился прочитать рукопись и высказал свои замечания: Е. Гайдару, И. Клямкину, Д. Зимину, Г. Сатарову, Л. Шевцовой. Я также хочу выразить глубокую признательность всем моим коллегам по Высшей школе экономики и фонду «Либеральная миссия»: С. Авдашевой, Ф. Алескерову, В. Бессонову, Е. Гавриленкову, В. Гимпельсону, В. Голиковой, Т. Долгопятовой, Д. Драгунскому, Л. Ионину, Я. Кузьминову, Л. Любимову, В. Радаеву, Е. Серовой, М. Урнову, О. Шкаратану, Л. Якобсону, А. Яковлеву, а также С. Алексашенко, Л. Алексеевой, Ю. Афанасьеву, А. Аузану, А. Белоусову, М. Бергеру, А. Венедиктову, А. Вишневному, Л. Григорьеву, Е. Гурвичу, М. Дмитриеву, Т. Заславской, А. Иванченко, А. Кара-Мурзе, Н. Косаревой, М. Краснову, Б. Кузнецову, [О. Лацису], М. Либоракиной, Т. Малевой,

В. Мау, Э. Набиуллиной, Л. Овчаровой, В. Преображенскому, А. Рогинскому, [Е. Сабурову], Б. Салтыкову, С. Синельникову-Мурылеву, Я. Уринсону, Т. Шанину, К. Юдаевой, И. Юргенсу, [Александр Николаевичу Яковлеву] и многим другим – тем, кто образует мою узкую интеллектуальную среду, жизненно необходимую для творческой работы. Политиков, чиновников и бизнесменов не называю, чтобы не сказали, что подлизываюсь.

Мне очень помогли Г. Трубецкая, Н. Давиденко, И. Разумов, А. Косыгина, А. Венедиктов, И. Толмачева – спасибо им всем. А за все, что вам не понравится, отвечаю я сам.

Е. Ясин
31 декабря 2004 года

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Признаюсь, что при подготовке второго издания этой книги я столкнулся с некими трудностями. Прошедшие после выхода первого издания пять лет были насыщены — в том, что касается темы книги, — серьезными изменениями, потоком событий, не отметить которые было невозможно, раз автор жив. В то же время некоторые из событий пятилетней давности утратили ценность, и их показалось нужным убрать.

Кроме того, в 2005 году я мог себя считать дилетантом. Через пять лет это стало невозможным. Пришлось следить за литературой и много читать, сама тема привлекала меня все сильнее, да и значимость ее для страны непрерывно возрастала. И это толкало к тому, чтобы поднимать проблемы, которые доселе находились за пределами моего внимания.

Еще одно обстоятельство. Уже в ходе работы над первым изданием многие вопросы представлялись мне заслуживающими более глубокого изучения в дальнейшем — для лучшей проработки тем, которые мне хотелось осветить; соответственно, возникала нужда в дополнительных исследованиях.

В итоге книга разрослась, вдвое увеличившись в объеме. В общем, это другая книга.

Первая ее часть подверглась наименьшим изменениям. Важным считаю только дополнение, связанное с понятием «дефектной демократии», заимствованным у В. Меркеля и А. Круассана.

Во второй части, посвященной правлению В. Путина и эволюции российской политической системы, изменений больше, но они в основном связаны с процессами и событиями после выхода первого издания, о которых нельзя было не упомянуть. Например, это второй процесс Ходорковского и Лебедева, давление на бизнес после ЮКОСа, красочно изображенное О. Шварцманом в интервью газете «Коммерсантъ», исследование «ментовского государства» в неправительственном докладе Л. В. Никитинского. Я вообще считаю, что подавленный бизнес и формирование коррупционной системы в органах правопорядка и правосудия — самые главные и характерные результаты первого правления Путина. И это хорошо предсказуемые следствия усиления вмешательства государственных структур и, стало быть, бюрократии в экономику. Мы получили институциональную ловушку, выбраться из которой будет нелегко.

Отмечу также индекс демократии фонда «Либеральная миссия», который разработан С. Сановичем, можно сказать, специально для этой книги: он основан на семи признаках демократии, приведенных в главе 3. Этот индекс, простой, но хорошо коррелирующий с известными международными индексами, показал упадок демократии уже в первый период президентства Д. А. Медведева по сравнению с революционным периодом протодемократии.

Третья часть книги подверглась наиболее заметным изменениям. По сути, она написана заново. Случилось это потому, что в нулевые годы в связи со свертыванием демократических институтов в России стала распространяться идея, что демократия не соответствует русской ментальности, национальному характеру. А поскольку национальный характер меняется крайне медленно, если вообще меняется, любые проблемы следует решать, не пытаясь изменить ментальность, но подделываясь под нее. Как выяснилось ранее, многие черты нашего национального характера сформированы государственным деспотизмом, вообще-то характерным для аграрно-феодального строя,

для советского социализма, в конце концов, но в рыночной экономике эти черты препятствуют развитию, преодолению отсталости.

Мне хотелось выяснить самому, опираясь на имеющиеся исследования экономистов, социологов, психологов, насколько это мнение соответствует действительности. Если соответствует, то на вопрос, приживется ли демократия в России, мы получаем отрицательный ответ. Прделанная работа открыла для меня новые горизонты. Я обратил внимание на категорию культуры в широком смысле, на институты и ценности, составляющие ее основу. И мой вывод меня обнадежил, чем я поспешил поделиться с читателем: ментальность — это культура, обычно самобытная культура народа, нации, которая хоть и медленно, но меняется. Центральную роль в этом играют изменения институтов, которым я посвятил отдельную главу, основанную на материалах доклада, подготовленного мною совместно с Я. Кузьминовым, В. Радаевым и А. Яковлевым к IV Международной конференции в Высшей школе экономики в 2005 году.

Я хочу обратить внимание читателей также на необходимость различать общественные настроения и культуру как слой глубинных ценностей. При сопоставлении результатов соответствующих исследований Ш. Шварца — Н. Лебедевой, Н. Тихоновой и И. Клямкина предпринята попытка довести различия между ними до количественных характеристик.

В третьей части теперь две главы посвящены элите, в том числе анализу результатов двух специальных исследований, заказанных фондом «Либеральная миссия». Я был их инициатором по следующим причинам.

Во-первых, в работе над изданием выяснилось, что у нас изучение элиты находится на зачаточном уровне. Во-вторых, в разговоре о модернизации и демократизации встает вопрос о движущих силах, об агентах этих процессов. Старая марксистская идея о том, что такими силами должны быть классы, социальные слои, заинтересованные

в преобразованиях, меня не устраивала, поскольку в советской практике я видел, что не классы, а отдельные персоны занимали посты, получали доступ к власти и образовывали спаянные общими интересами группы, обладавшие влиянием и властью. Да, в номенклатуре были представители разных классов, привносявшие в политику нравы своих социальных слоев, их культурные традиции, но главной все же была сама принадлежность к номенклатуре, элите.

Я придерживаюсь шумпетерианского понимания демократии, т. е. как демократии элитарной, представительной в грубом приближении, в которой принципиальная роль отдается не участию, а политической конкуренции. Участие или активное гражданское общество очень важно, но, по моему мнению, если встать на позицию признания развитого гражданского общества необходимым свойством демократии, то на вопрос о том, приживется ли демократия в России, снова можно смело отвечать — никогда! Напротив, если реализованы основные принципы элитарной демократии, то для формирования гражданского общества открываются благоприятные перспективы и, кроме того, основные проблемы экономики и культуры, не поддающиеся решению без демократии, т. е. прежде всего без институтов верховенства права, сменяемости властей, равных условий экономической и политической конкуренции, — эти проблемы начинают решаться.

Но для элитарной демократии требуется элита. Отсюда мой интерес к элите, стимулировавший проведение соответствующих исследований, и то место, которое уделено ей в этой книге.

В последнюю, четвертую, часть также были внесены значительные изменения. Она содержит характеристику современного состояния российской экономики, предстоящих реформ в социальной сфере, которые все откладывались из-за их непопулярности, но сейчас стоят первыми в повестке дня. Здесь же полностью переработанные варианты политико-экономического развития России, представленные в виде игр в модернизацию, сверху и снизу,

а модернизация снизу, демократическая, описана по сценариям решительного рывка и постепенного развития. Признаюсь, последние главы я писал под большим влиянием работ М. Олсона и Э. Маскина, хотя, возможно, недостатки образования помешали мне извлечь все возможное из их интеллектуального богатства. Но все же, как мне кажется, выводы получились более обоснованными. Я не дал точного ответа на вопрос, поставленный в названии книги. Уже второй раз. Но надежды мои укрепились.

Хочу выразить благодарность всем, кто помогал мне в работе над книгой, и особенно выделить моих молодых товарищей по борьбе за рыночную демократию в России, которые ушли из жизни в этот период: Егора Гайдара и Бориса Федорова, а также Е. Сабурова. Лучшие из нас, они умели смотреть далеко.

К тем людям, кому я уже выражал благодарность в предисловии к первому изданию, я бы хотел добавить С. Гурьева, К. Сонины, Е. Журавскую, М. Снеговую, А. Кынева, Н. Лебедеву, А. Татарко, Н. Тихонову, В. Магуна, М. Руднева, М. Юдкевич, А. Беянина, В. П. Зинченко.

Из зарубежных друзей — С. Фишера, А. Харбергера, Э. Маскина, Л. Харрисона, Ш. Шварца, Я. Ростовского, Р. Инглхарта, Л. Балцеровича, М. Домбровского, П. Сутелу, А. Ослунда, Д. Лала, К. Георгиеву.

Общение с ними обогащало идеями, раздвигало горизонты.

Особую благодарность хочу выразить Д. Зимину и С. Петрову, которые сделали возможным существование фонда «Либеральная миссия», а значит, наши исследования и публикации. А также П. Авену и В. Завадникову, также поддержавшим ряд наших публикаций.

Спасибо вам всем, дорогие друзья!

А за все несовершенства этой книги ответственность несю я один.

Е. Ясин

31 декабря 2010 года

Часть I

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ

Глава 1

ЗАЧЕМ НАМ ДЕМОКРАТИЯ

После президентских выборов 2004 года и политических реформ, проведенных В. Путиным после сентября того же года (события в Беслане), вопрос о судьбах демократии в России встал весьма остро.

Начало демократическим преобразованиям в нашей стране положила горбачевская перестройка. Гласность, общечеловеческие ценности и альтернативные выборы получили в России права гражданства. На широкой волне массового демократического движения был устранен коммунистический режим, просуществовавший 74 года. Потом прошли трудные рыночные реформы, развалился СССР, над страной нависла угроза сепаратизма, развивался дикий капитализм эпохи первоначального накопления, предпринимались попытки стабилизации. В. Путин, сменивший Б. Ельцина на посту президента, продолжил политическую стабилизацию и как бы для ее завершения предпринял ряд мер, которые, по мнению многих экспертов, привели к свертыванию демократических свобод. Это касалось установления контроля над СМИ (прежде всего над федеральными телеканалами), выборами, деятельностью парламента и политических партий, властью регионов с утверждением так называемой вертикали власти и, наконец, над крупным бизнесом как последним форпостом независимой общественной силы. Арест М. Ходорковского обозначил апогей этой кампании, а выборы — парламентские и президентские — подвели ее

итог. На политической арене осталась одна сила — исполнительная власть с ее реальным главой — президентом. И вдруг, когда дело было сделано и все независимые силы в публичной сфере были поставлены под контроль, движение снизу — против монетизации льгот и отмены отсрочек от военного призыва — показало, что происходит, когда публичной жизни в стране нет.

1.1 Две оценки текущего момента

Оценки этих итогов, естественно, разнятся. Победители, сторонники президента и новой партии власти «Единая Россия», утверждают, что все хорошо. Мы пользуемся достоинствами политической стабильности. Все демократические институты работают. Есть оппозиционные партии — слева и справа, хотя последние и не прошли в Думу. Но они сами виноваты, не нашли пути к сердцу избирателя. Коммунисты потеряли много голосов, но ведь нельзя бесконечно жить вчерашним днем, пора считаться с реальностью.

Есть оппозиционные газеты, в том числе принадлежащие опальным олигархам. Их читают мало, ну что ж, значит, нет спроса. Да, у Гусинского отняли НТВ, но ведь он не возвращал кредит, а кроме того, телевидение должно быть свободно от влияния олигархов в еще большей степени, чем от влияния государства.

Выборы стали намного чище, сейчас уже нельзя снять кандидата за сутки до голосования. Манипулирование административным ресурсом, может быть, и есть, но давайте смотреть на вещи реалистично: разве можно *в нашей стране* столь ответственное дело пустить на самотек? Мало ли кого навьбирает наш великий, но не искушенный в предвыборной демагогии народ? Со слов известного правозащитника С. Ковалева: «Один из критиков избирательных ограничений добрался до Администрации

Президента, и там ему ответили, что он, конечно, прав, но если бы Вешняков¹ в 1933 году руководил выборами в Германии, то Гитлер не победил бы» (*Независимая газета*. 2003. № 41).

И вообще, результаты выборов отражают настроения большинства россиян. Они высоко ценят президента, доверяют ему. Разве это плохо? Россия всегда нуждалась в твердой руке. И президент использует народное доверие, проводит либеральные рыночные реформы, жизненно важные для страны. События развиваются по нормальному сценарию. Будут условия, будет и демократизация. Недовольны только проигравшие. Ну и бог с ними.

Оценки проигравших — прежде всего правых либеральных партий — иные. Коротко их можно выразить так: демократические завоевания 1990-х годов утрачены, установился авторитарно-бюрократический режим так называемой управляемой демократии. Мы движемся вспять, под влиянием политики властей в обществе растут консервативные, державно-националистические и популистские настроения, составляющие серьезную угрозу для цивилизованного развития страны. Поэтому необходимо решительно противостоять политике Путина. Чем дальше, тем меньше возможностей будет у оппозиции. Если все демократические силы не найдут пути к объединению и не смогут привлечь голоса демократически настроенных избирателей и в 2007 году, то сползание России к авторитаризму станет неизбежным.

Выбор первой оценки означает переход на позиции власти: можно вступать в «Единую Россию». Выбор второй оценки влечет за собой маргинализацию демократического движения, превращение его в кучку диссидентов, которых почти никто не хочет слушать, которые ни до кого не могут достучаться. И в том, и в другом случаях резко

¹ Председатель Центральной избирательной комиссии в 2003–2004 гг.

ограничивается возможность демократических сил влиять на развитие событий, утрачивается перспектива.

Между тем именно для будущего демократии в России крайне важно как можно точнее оценить суть происходящего. Тогда можно будет верно выбрать образ действий для тех, кто все же лелеет надежду увидеть Россию демократической и процветающей страной.

Известный журналист Максим Кононенко пишет от лица тех российских граждан, кто не считает демократию необходимой, кто разделяет первую оценку. Приведу его весьма выразительные аргументы против демократии и «теории самообмана» полностью.

М. Кононенко. Аргументы против демократии и политической конкуренции

«Признаться, я уже давно размышлял над тем, что с публичной политикой что-то не то. Участвуя в компании по выборам в Городскую думу, я с удивлением обнаружил загадочный парадокс. Каждый публичный политик относится к своему избирателю как к манипулируемой массе, быдлу, как к насекомым, продуктом жизнедеятельности которых является “рейтинг”. Но ни один публичный политик никогда не сможет признаться своему избирателю в этом к нему отношении. Следовательно, каждый публичный политик априори лжец, причем лжец не по обстоятельствам, а именно что по природе своей. Потому что, если бы он не был лжецом, он рассказал бы своим избирателям о том, что они суть бессловесное кодро, а следовательно — утратил бы малейшие шансы быть избранным. Повторим доказанный тезис: публичный политик всегда лжет, потому что безо лжи ни один публичный политик не может быть избранным.

А раз так, то “политическая конкуренция” есть соревнование лжецов, в результате которого побеждает лжец наиболее изощренный.

Время послушать апологетов Святой Демократии. “Если политик действительно лжец, — говорят нам апологеты, — то в следующий раз за него не проголосуют”. Это правда. Но вряд ли нам будет достаточно такого утешения — ведь в следующий раз выберут все равно самого изошренного лжеца. Мы же уже доказали, что иначе быть просто не может. Таким образом, демократия отличается от недемократии лишь тем, что при демократии у избирателя есть умозрительная и несбыточная надежда, что на следующих выборах он что-то изменит. Больше никакой разницы нет.

“Но постойте, — волнуются апологеты, — ведь весь мир знает, что ничего лучше демократии не придумано! И Черчилль так говорил! И посмотрите на самые успешные страны мира!”

Давайте посмотрим. США — две партии. Великобритания — две партии. Япония — одна партия. О да, там есть выборы, кандидаты, кампании — но что остается после выборов? В сухом остатке что остается? В сухом остатке остается все то же самое — профессиональные управленцы, которые были, есть и будут. Посмотрите на администрацию Обамы. Посмотрите на решения самого Обамы. Что изменилось-то после Буша? Ничего же не изменилось, кроме цвета кожи.

Возьмем Украину. “Там политический процесс! — говорят апологеты. — Там интересно!” О да, там очень интересно! А возьмем, к примеру, Китай. Там нет политического процесса. Там неинтересно.

Но Украина — банкрот, а Китай — не банкрот. Да, каждый отдельно взятый китаец живет хуже каждого отдельно взятого украинца. Но надо бы понять, что причиной тому. Ведь каждый отдельно взятый советский украинец все равно жил лучше каждого отдельно взятого китайца. Значит, демократия тут ни при чем.

Теперь рассмотрим Россию. В России два раза была демократия, что называется, “по западному типу” — то есть

когда много партий и много процесса. Один раз — в самом начале прошлого века. Второй раз — в самом конце прошлого века. Говорить о том, что оба раза это закончилось плохо, уже *mauvais ton*.

Между тем Россия стала второй экономикой в мире при царе (при царе она была в лучшем случае пятой, но это детали. — *Е.Я.*), индустриализировалась при тоталитаризме, полетела в космос при волонтаризме, а небоскребы и бетонные дороги в Москве построила и вовсе при “кровавом режиме”. “Демагогия, — шипят апологеты. — Если бы в России была демократия по западному типу, все было бы значительно лучше!” Вот в этом я как раз решительно сомневаюсь.

Мне как-то всегда казалось, что общества живут так, как они живут, постепенно цементируя свои привычки и обычаи в законодательстве. Да что там общества — и люди так же живут. А если общество или человек сопротивляются собственным сформировавшимся уже привычкам и обычаям, если пытаются применить к себе чужие модели, то получают комплексы, антидепрессанты, матери-одиночки и тому подобная пошлость. Я, например, хотел бы быть красивым и стройным — но я некрасивый и толстый, и это моя *real politic*. Когда я принял такое положение вещей, меня сразу же стали любить самые красивые женщины в мире. А до этого я бегал за самыми невзрачными — и они меня игнорировали.

Так не это ли есть рецепт? Раз уж в России веками (веками!) формировался обычай “народ отдельно — власть отдельно”, то почему бы его просто не зацементировать? Законодательно зафиксировать, что есть Партия и есть Народ. Кто хочет из Народа перейти в Партию — милости просим. Кто не хочет — да на здоровье. И главное — никакой “политической конкуренции”, а следовательно — никакой лжи. Не надо притворяться, что у нас демократия, если у нас не демократия. Не надо притворяться, что мы голосуем на выборах, если мы

не голосуем на выборах. И как только в наших общественных взаимоотношениях исчезнет ложь — взаимоотношения сами наладятся.

Не надо обманывать себя, что мы можем выпускать автомобили и магнитофоны. Не надо обманывать себя, что добывать нефть — это малоинтеллектуальное занятие. Не надо врать себе, что мы можем стать братьями англичанам и американцам. Не надо врать себе, что мы принимаем суверенитет Украины и Белоруссии. Вообще — не надо себе врать. Ни в чем. И тогда все станет легче.

И нам больше не придется бегать за невзрачными. А самые красивые будут любить нас бесплатно» (*Взгляд. 2004. 15 апр.*).

Понятно из заключения, что М. Кононенко, скорее всего, шутит в своей обычной манере — так, чтобы о шутке догадалось как можно меньше людей. Я вставил его заметку во второе издание, потому что в ней вполне серьезно ставятся вопросы, на которые я должен ответить в этой книге. А действительно, зачем нам демократия? Содержание этого вопроса не изменилось за пять лет. Более того, самими своими формулировками М. Кононенко дает понять, что власти, возможно, правы, двигаясь в сторону, противоположную демократии.

1.2. Преимущества демократии

Лично у меня есть желание во всем разобраться с самого начала. Прежде всего, что такое демократия? Правление народа? Если понимать эти слова буквально, то становится ясно, что в сложных современных обществах оно либо невозможно, либо неэффективно. Более точно с учетом имеющегося опыта можно сказать, что это способ организации управления государством, а стало быть, и применения власти, который обеспечивает

реализацию воли большинства, соблюдение прав меньшинства и исключает возможность злоупотребления властью в личных интересах. Государство есть организация, обладающая правом применения насилия. Поэтому крайне важно, чтобы это право применялось под надежным контролем общества.

Антитеза демократии — диктатура, олигархия, авторитаризм, которые дают правителям, т. е. людям, имеющим доступ к средствам государственного насилия, возможность применять их бесконтрольно, в своих интересах, в том числе для захвата и удержания власти. Поэтому первое, зачем нужна демократия, — *недопущение применения государственного насилия в частных интересах*. Это то, для чего она придумана. Опыт нашей страны говорит о том, что нам это нужно как, наверное, никому. Деспотизм терзал нашу страну большую часть ее истории и во многом является причиной ее отсталости. Всем любителям твердой руки стоит напомнить об этом.

Второе, зачем нужна демократия, — *соблюдение прав и свобод личности*. Демократия — это такой порядок организации государства, который предоставляет гражданам максимум свободы и гарантирует их права. *Это порядок для свободных людей. В этом связь либерализма и демократии*. Либерализм — идейное течение, ставящее выше других ценность свободы. Демократия — нечто иное, и порой либерализм и демократия плохо сочетаются, поскольку демократия — это в конечном счете воля большинства, а большинство далеко не всегда более всего ценит свободу. Оно может предпочесть, например, равенство и справедливость. Но демократия создает наилучшие возможности для тех, кто предпочитает свободу и гарантирует права меньшинства.

Обеспечивая свободу личности, демократия создает в конечном итоге и наилучшие условия для развития и благосостояния общества. Как говорил Дж. Локк (точную ссылку я не нашел), свобода на самом деле нужна немногим, но они должны обмануть остальных, убедив

их, что она нужна всем. Однако, поскольку она — неперенное условие творчества, творчество — неперенное условие развития, а плодами творчества пользуются все, в конечном счете все от свободы и выигрывают. И чем большую роль в приросте общественного богатства играют инновации, тем выше ценность свободы. Отсюда, кстати, следует, что сейчас, на пороге постиндустриального общества, ценность свободы и демократии возрастает как никогда ранее.

Третье, зачем нужна демократия, — она предоставляет гражданам *наилучшие возможности для защиты их основополагающих интересов*. Конечно, демократия сама по себе не гарантирует, что будут учтены и удовлетворены интересы каждого. Для этого требуется воля и настойчивость тех, кто хочет, чтобы их интересы были приняты во внимание. Но если вы исключены из сообщества избирателей в демократической стране или живете в стране недемократической и непричастны к кругу властей предрешающих, то можно не сомневаться, что ваши интересы пренебрегут. Демократия — это строй, основанный на открытом столкновении и согласовании интересов разных людей, разных социальных групп и предоставляющий каждой из них наилучшие условия для защиты ее интересов.

Четвертое, зачем нужна демократия, — *гибкость и динамичность социальной организации*, которая позволяет экономике и обществу динамично развиваться в условиях политической стабильности, без серьезных потрясений, без революций, вынуждаемых неспособностью и нежеланием правящих элит уступить власть или поделиться ею, когда их неэффективность становится очевидной для большинства.

Демократия, как и рыночная экономика, характеризуется некоторой врожденной неопределенностью, которая связана с известными рисками, но эти риски и являются ценой свободы, конкуренции и развития.

Вообще, между рыночной экономикой и демократией есть органическая связь, обусловленная сходной гибкой сетевой структурой социальных взаимодействий в экономической и политической областях, противостоящей структуре иерархической, характерной для аграрных обществ и авторитарных режимов (именно такая структура предполагает «вертикаль власти»). Рыночная экономика без демократии возможна, но она будет прозябать. Теоретически возможна и демократия без рыночной экономики, но недолго и с дурными последствиями. История позитивных примеров такого рода практически не знает. Соединение же рыночной экономики и демократии органично и дает синергический эффект, ведущий к процветанию.

Сколько раз за последние 200 лет предрекали гибель капитализма и демократии, сколько раз на самом деле казалось, что очередной кризис закончится катастрофой! Но именно в силу этой неопределенности, в силу свободы, в условиях которой происходила игра экономических и политических сил, демократия всегда выходила из кризисов и всегда побеждала в конфликтах.

Власть необходима и опасна

Право государства на законное насилие неслучайно. С очень давних времен сообщества людей организуются в рамках государства, отличительная черта которого — власть, осуществляемая немногими. Иного опыта в истории нет: идея марксистов об отмирании государства в будущем — утопия. Или признак крайнего упадка.

Видимо, исходя из этого опыта, следует сделать реалистические выводы о природе человека: из него никогда не получится ангел. Природный инстинкт заставляет человека быть эгоистом, действовать ради самосохранения в собственных корыстных интересах. Если не личных, то семьи, наследников, клана. Если

не в чисто материальных интересах, то из желания выделиться среди окружающих, доказать свое превосходство, навязать свою волю. С этими интересами, желаниями, страстями связаны основные мотивы деятельности человека, которые при известных обстоятельствах способствуют повышению благосостояния всех людей, развитию общества. Но они же нуждаются в сдерживании, в социальном контроле, во введении в какие-то рамки, без чего они могут становиться разрушительной силой. Поэтому общество вырабатывает институты защиты — культуру, объединяющую нормы и ценности, которые не только сдерживают, но и консолидируют энергию многих людей для коллективных действий. Государство — продукт культуры, часть культурного слоя, наращиваемого со временем.

Государство выполняет свои функции посредством власти, суть которой в том, чтобы убеждать или понуждать подвластных к определенному поведению. Раз власть осуществляют немногие, они, если на них не наложить каких-то ограничений, могут использовать ее как в общественных, так и в личных или групповых интересах. В последнем случае, если частные или сословные интересы преобладают, возникает отчуждение между государством и обществом. При этом чем больше отчуждение, тем в большей степени для сохранения стабильности нужны подавление и/или внушение членам общества определенных представлений, всегда надуманных, о праве власть имущих на подобные действия. Либо, если применяемые меры оказываются недостаточными, теряется стабильность, разрушается государство и общество несет потери. Ясно, что процесс имеет свою динамику: некогда стабильный порядок при тех же институтах утрачивает стабильность.

Демократия — это выработанная опытом человечества, в основном на Западе, организация общества, которая не позволяет отчуждению между государством и обществом переходить опасную черту, удерживает власть

имущих от чрезмерных злоупотреблений своим положением. Она также обеспечивает легитимность власти посредством выборов и представительства, а тем самым и поддержание стабильности в обществе на гораздо более длительные периоды, причем это достигается, в частности, законной заменой устаревших институтов и выдвижением новых элит и лидеров по выработанным заранее правилам, без потрясений. Динамичность и стабильность!

Я счел необходимым дополнить этими соображениями текст 2004 года, чтобы подчеркнуть необходимость государства и власти, для которых демократия является только более совершенной политической системой. Но отсюда следует, что демократия не есть продукт иной культуры, который навязывается стране, чтобы подчинить ее внешнему влиянию. Так, в России нередко можно слышать, в том числе в приведенной выше заметке М. Кононенко, что демократия — это западное изобретение, которое нам не подходит, но его нам всучивают, чтобы ослабить нас. Однако обычно любое полезное изобретение появляется сначала в каком-то одном месте, а потом распространяется по миру. Мы должны здраво рассудить, нужны ли нам те преимущества, которые несет с собой демократия, сможем ли мы выносить связанные с ней издержки и захотим ли жить по правилам демократии, подчиняясь им, а не царям и их приказчикам. Эти вопросы действительно заслуживают внимания. У правящей в данный момент элиты всегда есть основания для того, чтобы подчеркнуть в первую очередь недостатки демократии. Но всякий раз, когда вы это слышите, у вас должно возникать подозрение, что эти люди пекутся о своих интересах.

Издержки демократии

У противников демократии — а среди них много могущественных людей, которым она мешает воспользоваться своим могуществом в полной мере, — всегда найдутся

убедительные доводы в защиту своих аргументов. Да и каждый из нас в обычной жизни наверняка не раз сталкивался с ситуацией, когда, например, в ходе спора люди никак не могут прийти к согласию — уж слишком противоречивы их интересы. И тогда приходила мысль: пусть кто-то один примет решение за всех и покончит с этим занудством. Или: пусть каждый действует на свой страх и риск, а там посмотрим.

В других случаях достичь согласия мешают не только различия интересов, но и невежество, предрассудки, эмоции. Бывает, какой-то красноречивый увлекает демагогией участников собрания и они перестают руководствоваться рациональными доводами.

Таким образом, не факт, что согласованное решение достижимо или будет наилучшим. Зачастую оптимальным оказывается решение авторитетного специалиста (профессионала, технократа). То есть демократическому по процедуре решению противостоит то, что я назвал бы *преимуществом технократии*. Очевидно, что в определенных случаях целесообразны не коллективные, а единоличные решения умного и авторитетного профессионала или группы экспертов.

Точно так же не только при неосведомленности заинтересованных сторон, но и при столкновении их интересов зачастую наиболее эффективно проявляет себя единая воля к достижению той или иной цели. Для этого кто-то наделяется правом принуждения, устанавливается подчинение, субординация. Я назвал бы это *преимуществом единоначалия*, однозначно признаваемого, например, в армии. Также можно считать это *преимуществом бюрократии*.

Сторонники третьей группы доводов против демократии признают ее достоинства, но считают, что воспользоваться ими можно только в том случае, если члены общества обладают необходимыми свойствами, в частности такими, как образованность, рациональность,

терпимость, интерес к общественным делам, ответственность, готовность считаться с интересами и мнениями других сограждан. Словом, они утверждают, что *для демократии нужно зрелое гражданское общество*. Если же его нет, то от нее будет больше вреда, чем пользы. Люди должны созреть. В той или иной мере эти доводы справедливы. Вопрос в том, как люди будут созревать — под опекой монархии или бюрократии?

И все же имеется множество аргументов в пользу того, что справедливость приведенных выше доводов против демократии относительна, а ценность демократической организации общества, несмотря на многочисленные изъяны, абсолютна. Тем более что в социальной практике вырабатываются формы демократии, позволяющие сводить ее минусы к минимуму и использовать в ее рамках достоинства технократии и бюрократии. Недаром У. Черчилль говорил, что демократия очень плохая система, но она лучше всех остальных. Сегодня это утверждение еще более справедливо, чем во времена великого британца.

1.3. Трудности перехода

Последний из приведенных выше аргументов против демократии особенно часто выдвигается в связи с развивающимися странами, еще только переходящими к демократическому обществу. Наиболее популярен так называемый тезис Ли (по имени Ли Куан Ю, бывшего премьер-министра Сингапура, приведшего, кстати, свою страну к процветанию). Суть его в том, что демократические права и свободы тормозят экономический рост и развитие. Амартия Сен в этой связи замечает: «Мы не можем принять высокий экономический рост в Китае или Южной Корее за неоспоримое доказательство большей эффективности авторитарного режима в обеспечении

экономического роста точно так же, как мы не можем сделать противоположный вывод, исходя из того факта, что самая быстроразвивающаяся африканская страна (и одна из самых быстроразвивающихся в мире), а именно Ботсвана, является оазисом демократии на беспокойном африканском континенте» [Сен, 2004: 173]. Ниже мы вернемся к обсуждению этой проблемы, но здесь все же замечу, что у «тезиса Ли» есть много поклонников и их доводы часто выглядят весьма убедительно, особенно если речь идет о странах, осуществляющих переход от аграрного общества к индустриальному, реализующих модель догоняющего развития на основе «поздней» индустриализации. Но если, скажем, страна прошла этот этап и уже, подобно Германии после Второй мировой войны или России после 1991 года, является индустриальной и урбанизированной, то как по отношению к ней смотрится «тезис Ли»? Многие исследования показывают, что при достижении определенной стадии развития демократия становится необходимым условием прогресса страны, даже если для ее становления требуется преодолеть известный культурный барьер (см.: [Ясин, Снеговая, 2009]).

Другая проблема демократии в развивающихся странах — опасность ее легкого превращения в диктатуру. С одной стороны, для бедняков, составляющих подавляющее большинство населения развивающихся стран, средства пропитания важнее гражданских прав, и они вряд ли будут отстаивать свои свободы. С другой стороны, предоставление прав и свобод массам бедняков, не приученных социальной практикой к ответственному поведению, будет приводить только к череде беспорядков, к появлению на политической арене ловких демагогов, которые, пользуясь демократией, способны внушить людям убеждение в том, что порядок важнее свобод и именно он, лидер имярек, может спасти свою страну от хаоса. В итоге такой лидер получает власть в результате свободных выборов, чтобы уже никогда

с ней не расставаться. Это более чем серьезная проблема. Пример А. Лукашенко в Беларуси — один из многих, до него именно таким образом пришли к власти Наполеон, Муссолини, Гитлер и многие другие диктаторы. Ленина и Сталина я не ставлю в этот ряд только потому, что они получили власть благодаря революции, а не выборам, т. е. не демократическим путем.

Таким образом, не приходится сомневаться в важности наличия у населения демократического опыта, а период неустойчивости и многообразных негативных инцидентов, вызывающих критическое отношение к демократическим процедурам, видимо, можно считать закономерностью при переходе к демократии.

Прецедент Карла Люгера

Поучительную в этом смысле историю напоминает нам Фарид Закария, индийский мусульманин из Бомбея, видный американский политолог, главный редактор журнала *Newsweek International*. В марте 1895 года Вена избрала своим мэром ультранационалиста Карла Люгера, который сравнивал евреев с саранчой и призывал смешать их с землей в качестве удобрения. Император Франц-Иосиф пошел на беспрецедентный шаг — он отказался утвердить полномочия Люгера на том основании, что его избрание создает угрозу гражданским свободам. Через 38 лет в Германии такого императора не оказалось, и Гитлер, бывший свидетелем успеха Люгера, стал фюрером германской нации. К устойчивой либеральной демократии континентальная Европа смогла перейти лишь после Второй мировой войны, и то не сразу.

Ф. Закария отмечает, что Люгер появился вследствие развития демократии в Австрии: «В 1860–1870 годы в стране голосовали только богачи и образованный средний класс, причем их высшими целями были свобода слова, конституционализм и экономический либерализм.

Слава Вены как центра космополитизма и прогресса проистекала из ограничения права на участие в выборах. В 1880–1890-х годах состав электората был расширен (причем, по иронии судьбы, именно по настоянию либералов), что позволило принимать участие в голосовании большинству взрослых мужчин, и атмосфера в стране быстро изменилась. Рабочие и крестьяне, недавно получившие политические права, не были заинтересованы в гражданских реформах, к которым призывала буржуазия. Они легко поддались пламенной риторике социалистов (взывавших к рабочим) и ультранационалистов (адресовавшихся к крестьянам). Люгер блестящим образом сконструировал программу, объединявшую националистические и коммунистические призывы...» [*Закарфия*, 2004: 52–53].

Этот случай может и сейчас послужить важным уроком: более чем через 100 лет в России снова складывается подобная обстановка. У нас уже давно действует всеобщее избирательное право, и расширение электората не может стать причиной событий, подобных событиям в Вене 1895 года, но активизация масс, побуждаемых бедностью, несправедливостью, игрой политиканов на мифах и предрассудках, может еще сыграть злую шутку с теми, кто борется за свободу и демократию.

От традиционной культуры — к современной

Пример с К. Люгером показывает возможность возврата от демократии к авторитаризму, что случалось слишком часто, чтобы приводить здесь все примеры. Но что характерно — они относятся к странам, находившимся в *процессе становления демократии*. Именно такими были Италия и Германия, когда в них победили Муссолини и Гитлер, всеобщее избирательное право было только-только введено. Но в странах, где демократическое нормы были уже усвоены большинством населения

и опыт продемонстрировал их работоспособность, где социальная практика выработала определенные методы и процедуры разрешения возникающих конфликтов посредством переговоров и соглашений, подобных примеров нет. Стало быть, если мы говорим о переходе к демократии, имеется в виду, что демократическая система через определенное время входит в стабильное состояние, когда вероятность возврата к авторитарным порядкам становится пренебрежимо мала. Хотя все равно риск есть и каждое поколение, как говорил Р. Рейган, должно снова завоевывать свою свободу. Но сейчас я о другом, о пути в демократию из авторитаризма. Его особая трудность в том, что это всегда путь от традиционной культуры к культуре современной, создающей более сильные мотивы для инноваций.

Речь идет об элементах культурных заимствований, которые обязательно должны пройти период адаптации в иных условиях. Заимствуемая культура первое время кажется неестественной, неэффективной, навязываемой извне. Уже в силу этого в социальной практике всякий раз будут возникать конфликты. У вновь формирующейся элиты, привычной к прежней обстановке, всякий раз будут возникать соблазны реставрировать какие-то порядки, более удобные для управляющих, оставляющие или большую свободу маневра, или большую долю дохода за счет ущемления прав управляемых. Непривычно всегда руководствоваться формальными нормами, законами, поэтому еще долго сохраняются установки на быстрое, неформальное и персональное решение, даже если оно нарушает какие-то еще не укоренившиеся нормы. Постоянные возвраты и откаты к прежним порядкам имеют место, стало быть, не по причине недостатков демократии, а по причине ее исходной новизны и слабости, из-за распространенности традиционных институтов, которые еще долго будут давать о себе знать.

Смена власти

Самая большая трудность — это процедура смены власти. Даже когда демократия устоится, смена власти будет происходить непросто. И все же в этом случае заранее известно, что и как будет происходить: приходя во власть, люди знают свои полномочия и то, когда и как они должны будут с ними расстаться.

Но переход к демократическим порядкам, особенно в странах с архаичной авторитарной культурой, происходит из состояния, когда нормой считается принципиально иная модель распоряжения властью: держаться за нее любыми способами, заранее удалять с поля всех потенциальных претендентов, чтобы нынешнему правителю не было альтернативы. Использовать власть для обогащения себя и своего окружения, что особенно усложняет расставание с властью, ибо в этом случае ты попадаешь под угрозу уголовного преследования. Это средневековая традиция, воплощенная в идее монархии. В новое время она чаще всего реализовывалась в диктаторских режимах в Европе, Азии, Латинской Америке, да, собственно, повсюду, где не сложилась устойчивая демократия.

Окинем взглядом просторы СНГ. Даже если не говорить о бывших среднеазиатских республиках, перед нами пример Беларуси А. Лукашенко — несомненно, европейской страны с отвратительной диктатурой, не считающейся ни с какими приличиями, очевидным продуктом советского тоталитаризма.

В России один раз была более или менее демократическая смена власти: в 1991 году она перешла к Б. Ельцину, законно избранному президенту РСФСР, да и то это случилось в обстановке революции, которая закончилась вооруженным конфликтом октября 1993 года. Потом уже у самого Ельцина появился предлог удерживать власть — чтобы она не вернулась к коммунистам, и для этого была

изобретена управляемая демократия, причем степень ее управляемости все время повышалась.

В этом смысле Украина являет собой некоторое исключение — благодаря тому, что в силу различий между западной и восточной частями страны там оказывается возможной политическая конкуренция, выдвижение двух кандидатов в президенты с примерно равной электоральной базой. Так было в 1994 году, когда, опираясь на русскоязычный юго-восток, Л. Кучма победил Л. Кравчука. Через десять лет ситуация повторилась. Правда, власть, опираясь на Россию, попыталась сфальсифицировать результаты выборов, использовать, если хотите, русский вариант управляемой демократии. И это притом, что персональная замена первого лица была предрешена. Но оппозиция во главе с В. Ющенко смогла противостоять этой фальсификации. Я так думаю и сегодня, несмотря на последующее развитие событий: Ющенко и Тимошенко проиграли в следующий раз, подтвердив мою мысль. Посмотрим, что будет дальше.

Для нас важен следующий факт: в переходный период правителю и поддерживающей его элите бывает чрезвычайно трудно расстаться с властью и для того, чтобы удержать ее, они готовы идти и на фальсификацию, и даже на силовые акции. Противопоставить им веру в принципы демократии недостаточно — для этого нужна реальная политическая сила, способная мобилизовать значительную часть населения страны. Нужно относительное равновесие сил.

Смена модели распоряжения властью, замена архаичного авторитарного режима демократической процедурой составляет, таким образом, самый трудный момент перехода к демократии. Ясно, что в процессе перехода издержки демократии особенно велики, тем более в бедной стране, когда на стороне противников демократической системы такие сильные аргументы, как порядок, единство и эффективность.

Глава 2

ТЕОРИЯ ДЕМОКРАТИИ: РАВНОВЕСИЕ, СОГЛАСИЕ, АВТОРИТЕТ

И все же сказанное выше слишком важно, чтобы ограничиться кратким, декларативным изложением преимуществ демократии. Литература, в которой с разных сторон обсуждаются плюсы и минусы демократической системы, огромна, а первые тексты, посвященные ей, принадлежали еще Платону и Аристотелю, а в Новое время — Локку, Монтескье и Руссо. Я попытаюсь воспроизвести здесь логику развития идей в этой области, которую использовал Й. Шумпетер, один из крупнейших экономистов XX века, в своей знаменитой работе «Капитализм, социализм и демократия» (1943; см.: [Шумпетер, 1995]).

2.1. Теория всеобщего блага

Шумпетер начинает с классической теории XVIII века, основывавшейся на постулате всеобщего блага — блага, по поводу которого может быть достигнуто согласие всего народа, если всем членам общества будут предъявлены рациональные доводы соответствующей общей выгоды. Разногласия могут касаться только мнений относительно путей и сроков движения к общему благу. В обсуждении учитываются аргументы специалистов, но принципиальные вопросы решаются всеми.

Институты и учреждения выстроены таким образом, чтобы содействовать достижению общего блага.

В конце XIX века благодаря трудам Л. Вальраса и А. Маршалла, а также многих других ученых возникла теория равновесия, составившая фундамент современной экономической науки. В ней, по сути, воспроизводится идея всеобщего блага. Пожалуй, лучше всего она была выражена в так называемом оптимуме Парето. Итальянский экономист Вильфредо Парето предложил считать оптимальным такое состояние экономики, в котором при данных ресурсах положение любого субъекта может быть далее улучшено только за счет ухудшения в положении кого-то другого. То есть равновесие в данном случае — ситуация, когда возможности увеличения общего блага исчерпаны. Задолго до этого Адам Смит показал, что «невидимая рука» рынка, на котором действует множество независимых агентов, сама ведет экономику к равновесию, суть которого потом описал Парето. Отчасти эта прозрачная и логичная модель мира возникла, видимо, как реакция на жесткость теории Маркса, построенной на идее классовой борьбы. Теория равновесия гласила: счастье возможно и без постоянных драк.

В 1960–1970-е годы XX века у нас на основе идеи нобелевского лауреата Л. В. Канторовича и В. В. Новожилова была разработана теория оптимального планирования, тогда предмет моего и многих моих коллег горячего увлечения. Суть ее состояла в следующем: если есть критерий оптимальности, то существует такая процедура, которая позволяет определить наилучшее с точки зрения этого критерия распределение ресурсов и цены товаров, уравнивающие спрос и предложение. Иначе говоря, получить оптимальный план и цены, стимулирующие его выполнение. Ясно, насколько это было важно для планового хозяйства. Но беда в том, что критерий оптимальности, очень близкий по смыслу к оптимуму Парето,

т. е. к функции общего блага, никак не удавалось сконструировать. И пока одни продолжали корпеть над этой безнадежной задачей, другие пришли к мысли, что нужно не конструировать этот критерий, а просто вернуться к рыночному механизму, который сам толкает экономику к оптимальному состоянию, т. е. равновесию, хотя никогда и не достигаемому полностью.

2.2. Политическая конкуренция

Критикуя концепцию всеобщего блага за нереальность, в том числе за нереалистичность представления о рациональности поведения индивидов, склонных, как известно, поддаваться стадным инстинктам, Шумпетер выдвигает еще одну теорию — теорию демократии как системы институтов, создающей условия для «борьбы за политическое лидерство» [*Шумпетер*, 1995: 354]. Он так поясняет свою идею: классическая теория демократии предполагает, что у народа есть определенное и рациональное мнение по всем вопросам и что он выбирает представителей для того, чтобы исполнить его волю.

Попробуем перевернуть ситуацию: народ выбирает представителей, которые предлагают определенные решения общественных вопросов. Кого выберут, тот и будет реализовывать свои предложения. Таким образом, роль народа состоит в избрании представителей, образующих орган общественного управления. А претенденты на роль представителей должны доказывать в конкурентной борьбе свое право на управление от имени народа. Борьба подчиняется правилам, предоставляющим равные возможности претендентам и исключающим насилие.

Такой подход дает четкий критерий для различения демократической и недемократической систем. Если брать критерий максимума всеобщего блага, то мы

сталкиваемся с множеством исторических примеров, когда свободе и всеобщему благу народа служили режимы, которые никак нельзя считать демократическими. Зато с уверенностью можно сказать: если народ свободно избирает своих представителей во власть, а последние избираются в конкурентной борьбе — это демократия.

Такое определение позволяет провести грань между демократией и равенством. Это очень важно, ибо существует распространенное представление, что равенство — необходимый атрибут демократии, причем с точки зрения распределения благ и собственности. Демократия — это якобы власть бедных в отличие от аристократии или олигархии — власти высокородных или богатых.

На деле с точки зрения реалий современного мира равенство в указанном смысле не является непременным атрибутом демократии. Последняя обеспечивает равенство граждан по крайней мере в одном — в праве избирать и быть избранным. Более того, при таком понимании демократии естественной является необходимость формирования групп для продвижения тех или иных интересов и идей, а следом — выдвижения лидеров.

Теоретико-игровой подход

Вскоре после выхода вышеупомянутой книги Шумпетера, в 1953 году появилась работа Дж. фон Неймана и О. Моргенштерна о теории игр (см.: [*Нейман Дж. фон, Моргенштерн, 1970*]), давшая идее Шумпетера адекватный математический аппарат, подобно тому как Вальрас создал аппарат моделирования для идеи всеобщего блага. В рамках теории игр все социальные взаимодействия, в том числе политические, являются взаимообусловленными: индивидуальные решения принимаются под влиянием уже состоявшихся или ожидаемых решений других субъектов — участников взаимодействия.

Общество в рамках политической игры рисуется следующим образом. Множество индивидов, занимающих разное положение и придерживающихся разных взглядов, объединяются в группы, условно говоря партии, в соответствии с их интересами и убеждениями — действовать поодиночке чаще всего бессмысленно. Партии борются за власть, т. е. за право управлять общественными делами. Для игры предлагаются согласованные правила — конституция и избирательные законы. Правила игры в демократию предполагают, по крайней мере, следующие три положения: 1) соблюдаются принятые права граждан, в том числе право избирать и быть избранным; 2) власть находится в руках партии, получившей на выборах большинство, ее лидер возглавляет правительство в течение установленного срока; 3) по истечении этого срока проводятся выборы, в которых партии, включая партию власти, борются за доверие избирателей.

В ходе игры игроки анализируют последствия тех или иных своих действий и действий партнеров, используя ценности и вероятности разных вариантов. Они могут нарушать правила, за что подвергаются санкциям, если только не предпримут действия, позволяющие их избежать.

Анализ игры в нашем случае должен ответить на два вопроса: во-первых, каковы выгоды от демократии и, во-вторых, содержит ли демократия в себе механизмы, обеспечивающие ее устойчивость или равновесие; может ли она в принципе функционировать как политическая система без некоторой посторонней силы, арбитра, или же все держится на некоем соглашении, за исполнением которого следит арбитр, обладающий правом налагать санкции.

Для ответа на первый вопрос можно использовать пример, приводимый А. Пшеворским (см.: [Пшеворский, 1999: 41–42]). Гражданское правительство опасается военного переворота в случае проведения военной реформы. Оно анализирует альтернативы: проводим

военную реформу — вероятность переворота высока, значимость последствий (цена стратегии) также высока — подрыв демократического порядка и законности, период нестабильности, падение уровня доверия в обществе, насилие. Членам правительства грозит казнь или заключение. Решают не проводить реформу или проводить в таких масштабах, чтобы не вызвать негативной реакции военных.

Военные знают о намерениях правительства и анализируют свои альтернативы: если правительство предпримет реформу, то переворот с высокой вероятностью вызовет отпор со стороны общества, так как правительство пользуется его поддержкой. В случае неудачи последуют аресты и лишение званий. Кроме того, военные считают демократический порядок важной ценностью и готовы нарушить его только в крайнем случае. При таких условиях они решают не идти на переворот. Все остается как было.

Понятно, что при иных условиях и решения могут быть иными. При низкой вероятности переворота и уверенности в поддержке общества правительство пойдет на реформу. Если же общественная поддержка правительства невелика, а военные уже не раз нарушали конституцию, переворот может последовать даже при самой робкой попытке реформ.

Каждая из сторон знает, что, если она будет действовать в рамках правил, риски будут невелики, а в следующем избирательном цикле можно снова добиваться своих целей: правительственной партии — настаивать на военной реформе, включив ее в предвыборную платформу, военным — через другую партию — добиваться отказа от реформы или изменения ее условий. Тем самым повышается стабильность общества, предсказуемость событий и действий разных игроков.

Тот же пример позволяет подойти к ответу и на второй вопрос. При соблюдении правил игры, т. е.

демократических процедур, действуют силы, приводящие к равновесию: *никто из игроков не может увеличить свой выигрыш в одностороннем порядке* (равновесие по Нэшу²). Или иначе: никто не хочет выбрать другой план действий, принимая во внимание то, как в ответ будут действовать другие. *Равновесие может достигаться спонтанно, наличие арбитра необязательно.* Этот вывод, который позволяет сделать теоретико-игровой подход, является для нас фундаментальным: демократия содержит внутренние механизмы поддержания устойчивости.

Другой пример от Пшеворского, который условно можно обозначить так: согласие дополняет равновесие. В выборах участвуют две партии — правая и левая. Они договариваются между собой честно вести предвыборную борьбу. Каждому участнику в отдельности может быть выгодно нарушить эти договоренности только в том случае, если другой останется им верен: нарушение договоренности будет вызывать ответные нарушения. В итоге оказывается, что нечестные приемы выгодно применять только до той поры, пока ущерб от ответных действий противника не сравняется с выгодой от собственной нечестности.

Нужно еще учесть, что и сам избиратель начнет реагировать на чрезмерную нечистоплотность политиков. Точка равновесия уже не будет совпадать с точкой договоренности, но останется недалеко от нее. И вот механизм саморегулирования сработал, выборы признаны состоявшимися. *Достигнутое согласие было реализовано, поскольку опиралось на равновесие.*

² Дж. Нэш — тот самый сумасшедший гений, которого Р. Кроу сыграл в известном фильме «Игры разума». История Нэша там рассказана близко к реальности. Равновесие по Нэшу на языке теории игр похоже на оптимум Парето на языке теории равновесия.

Шумпетер о политической конкуренции

«В экономической жизни конкуренция никогда полностью не отсутствует, но едва ли когда-либо существует в совершенном виде. Точно так же в политической среде постоянно идет борьба, хотя, возможно, лишь потенциальная, за лояльность избирателей. Объяснить это можно тем, что демократия использует некий признанный метод ведения конкурентной борьбы, а система выборов — практически единственно возможный способ борьбы за лидерство для общества любого размера. Хотя это и исключает многие из способов обеспечения лидерства, которые и следует исключить, например, борьбу за власть путем вооруженного восстания, это не исключает случаев весьма похожих на “несправедливую” или “мошенническую” конкуренцию или ограничение конкуренции. Исключить их мы не можем, поскольку, если бы мы это сделали, то остались бы с неким весьма далеким от реальности идеалом. Между этим идеальным случаем и случаем, когда любая конкуренция с существующим лидером предотвращается силой, существует непрерывный ряд вариантов, в пределах которого демократический метод правления незаметно, мельчайшими шагами, переходит в автократический. Но если мы стремимся к пониманию, а не к философствованию, это так и должно быть» [*Шумпетер*, 1995: 356–357].

Можно попытаться повысить эффективность механизма саморегулирования и ввести арбитра наподобие нашего Центризбиркома, который налагал бы на нарушителей санкции. Но кто даст гарантию его объективности? Третья сторона — угроза демократии со стороны государства, ибо именно государственные институты берут на себя роль такого арбитра (явно или тайно). Однако, так как у власти всегда находится одна из партий,

эти институты редко могут быть объективными. Разве что в ситуации, когда само государство находится под контролем политически организованного гражданского общества.

Поэтому А. Пшеворский отмечает *предпочтительность децентрализованного наблюдения* за любым подобным соглашением — наблюдения посредством «достаточного количества действующих сил», применяющих санкции за его корыстные нарушения, чтобы поддержать общий результат, сократив меру нечестности. Речь идет о наблюдателях от различных партий и гражданских организаций, а также о свободных СМИ (см.: [Пшеворский, 1999: 42–44]).

Таким образом, согласие само по себе, фиксируемое теми или иными договорами, включая конституции, если их соблюдение контролируется извне, не только не гарантирует эффективного функционирования демократической системы, но и составило бы угрозу для нее, если бы не поддерживалось механизмами саморегулирования, работающими от корыстных побуждений сторон, учитывающих потенциальные действия своих конкурентов и партнеров. И напротив, как раз такие механизмы делают соглашения возможными и устойчивыми.

Гэри Беккер: самоуправление минимизирует политическое давление

Нередко достоинства демократии ставятся под сомнение в связи с тем, что она предполагает открытую борьбу политических партий или групп влияния. Шумпетер, который полагал неизбежной смену капитализма социализмом, считал, что при последнем влияние частных интересов уменьшится. Г. Беккер, классический представитель экономического подхода к анализу политики, приходит к противоположному выводу: «При социализме преследующие собственные интересы группы давления, такие,

как рабочие, менеджеры, интеллектуалы и др., должны проявлять гораздо большую, а не меньшую активность, чем при капитализме (хотя конечно же в коммунистических странах она будет естественно пресекаться), потому что при социализме под контролем государства находится намного большая, чем при капитализме, доля ресурсов» [Беккер, 2003: 355]. Добавим к сказанному, что, хотя при советской власти была только одна партия, группы давления действовали всегда и в нарастающих масштабах: бюрократия, теневая экономика, АПК и ВПК – вот наиболее могущественные группы интересов, чья «междоусобная» борьба была одной из причин, которые привели советский коммунизм к краху. А противодействующей им силы – открытой политической конкуренции – не было.

Борьба групп интересов в обществе существует всегда, при демократии их публичное столкновение может казаться более острым, но, открыто проявленное, оно обычно происходит в рамках закона: демократические процедуры не допускают потрясений, способствуют компромиссам. Возьмем недавний пример США: на выборах 2004 года республиканец Дж. Буш-младший с небольшим перевесом победил демократа Дж. Керри. Нанятые толпы адвокатов подготовились к тяжбам по поводу нарушений, но Керри признал свое поражение, поздравил конкурента с победой и сказал, что готов работать с ним на благо Америки.

Почти в то же самое время в Украине в аналогичной ситуации кандидат в президенты В. Ющенко поднимает массы сторонников на манифестации в уверенности, что его противники, располагая рычагами власти, исказили результаты выборов в свою пользу. В стране растет напряжение, колонны людей из западных и восточных регионов идут на Киев. Спецназ со щитами стягивается к резиденции президента. Смена власти идет с трудом, под угрозой кровавых столкновений.

При социализме и в переходный — на пути к демократии — период общественная активность либо ниже (по Шумпетеру), либо выплескивается на поверхность из-за неуверенности сторон в том, что оппоненты будут соблюдать правила, и приобретает беспорядочный характер, чреватый различными потрясениями.

«Парадокс Эрроу» и как его решает демократия

Известный американский экономист К. Эрроу показал в свое время, что согласовать противоречивые интересы различных субъектов невозможно без участия арбитра или диктатора (см.: [Arrow, 1951]). Точнее, он утверждал, что максимум общего блага невозможно выявить каким-либо способом соединения индивидуальных предпочтений. Марксисты обрадовались, усмотрев в этом парадоксе, «парадоксе Эрроу», доказательство неизбежности диктатуры в разделенном на классы обществе — хотя бы и диктатуры большинства. Это если исходить из предположения о том, что интересы и предпочтения — экзогенные переменные для процедуры их соединения. Но такое предположение нельзя обосновать. Скорее, интересы и предпочтения также являются продуктами демократического процесса. Верно, что процессы обсуждения и голосования необязательно завершаются достижением согласия — вполне вероятно, наоборот, более глубокое осознание и обострение противоречий. Но, во-первых, голосование дает решение — хотя и неудовлетворительное для меньшинства. Во-вторых, демократия подразумевает, что в следующий раз это голосование может привести к другому результату, что на следующих выборах может выиграть нынешнее меньшинство. А между выборами его интересы также будут учитываться. «Демократические институты общества придают политическим конфликтам вневременной характер. Они открывают перед политическими деятелями перспективы далекого

будущего. Политические силы примиряются с поражениями на сегодняшний момент, потому что они верят, что институциональная структура, регламентирующая демократическую борьбу, позволяет им достичь своих интересов в будущем» [*Пшевцовский*, 1999: 38–39].

Подведем итог. В демократической системе существуют встроенные механизмы регулирования, основанные на политической конкуренции и создающие тягу к равновесию. Согласие как результат процесса переговоров необязательно. Привлечение внешних арбитров, действующих помимо институтов гражданского общества, допустимо в крайних случаях, но нежелательно, ибо чревато авторитаризмом, возвышением государства над обществом. А это влечет за собой ослабление механизмов саморегулирования.